

УДК 81'25:81:372.881.1

DOI: 10.25206/2542-0488-2018-2-58-68

М. Р. АРПЕНТЬЕВА

Калужский государственный
университет им. К. Э. Циолковского,
г. Калуга

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Работа посвящена проблемам перевода как процесса и результата понимания, диалога с текстом и его автором в процессе перевода. Перевод — понимающая деятельность, требующая трансординарного знания как собственного, так и переводимого языка. Трудности перевода особенно хорошо иллюстрируют переводы стихотворений. Каждое слово в стихотворении зависит от всех значений прилегающих к нему слов и определяется многочисленными характеристиками целого текста, а сами смыслы и слова многослойны и отражают духовный поиск автора. Обучение иностранному языку в контексте перевода поэтических произведений есть одна из наиболее продуктивных технологий развития понимания языка как целостного, социокультурного феномена. Чтобы переводить стихотворения нужно осуществить целый, многостадийный комплекс сопоставлений внутренних и внешних, очевидных и скрытых, этнически специфических и общих смыслов и контекстов написания стихотворения и его переводов.

Ключевые слова: перевод, понимание, диалог, иностранный язык, стихотворение, обучение.

Обучение иностранному языку в контексте перевода поэтических произведений есть одна из наиболее продуктивных технологий развития понимания языка как целостного, социокультурного феномена. Понимание поэтических и иных художественных текстов — особый диалог, который развивает человека, расширяя его понимание себя и мир сразу в нескольких отношениях. Особенно выраженными эти аспекты являются в процессе понимания иноязычных текстов, их перевода на свой язык и перевода текстов со своего языка на иностранный [1–6]. В процессе такого перевода осуществляется не только и не столько сопоставление значений, но и сопоставление смыслов, которые автор стремился отразить в тексте и донести и которые читатель способен уловить и привнести в текст. Обычно знание иностранного языка рассматривают как умение разговаривать, читать, переводить — то есть понимать созданные на данном языке тек-

сты. Однако перевод, в том числе условно-дословный, — это сложная, индивидуально и ситуативно уникальная деятельность, которая требует первоначально осознанного соотнесения целого комплекса значений и смыслов, вытекающих и «втекающих» в огромный смысловой универсум: начиная от смыслового универсума человека и человеческой жизни в целом, смысловых универсумов культур отдельных групп (народов и т.д.), и заканчивая смысловыми универсумами каждого отдельного субъекта — автора текста. Это множество универсумов создает бесчисленное количество вариантов понимания, т.е., бесчисленное количество возможных переводов. «Трудная и в то же время творческая задача переводчика поэзии состоит в том, чтобы декодировать компрессию исходного языкового материала, извлечь из нее концентрированные эксплицитные и имплицитные смыслы и далее представить их в компрессии нового языкового и культурного

кода таким образом, чтобы стихотворение звучало как оригинал» [7, с. 57]. И если мы не говорим о формальной грамотности перевода, то его содержательная точность может быть весьма различной: возникают разные уровни или типы перевода, различающиеся способами взаимодействия «своих» и «чужих» языка, текста, реальности [6; 8–10]. Их существование становится заметно лишь за пределами «минимального», машинного или близкого к нему уровня поиска дословных соответствий. Однако для того, чтобы разговаривать на том или ином языке «свободно» и тем более для того, чтобы переводить произведения литературно-художественного творчества, достичь уровня искусства нужно и в сфере перевода. Встречаясь с разными вариантами переводов, однако, можно исследовать этот феномен и найти пути формирования и развития «искусства перевода». У разных исследователей этого искусства можно встретить весьма сходные типологии перевода: во многом сходные с уровнями его развития. В своем становлении переводчик движется от буквального, поверхностного к глубинному, контекстному переводу, в процессе которого становится де факто соавтором стихотворений [11–15]. На наш взгляд, весьма интересным моментом является анализ смысловых различий оригинала и его перевода, разных переводов: такой сравнительный анализ позволяет понять, ощутить смысловую эмерджентность, неповторимость мира, приоткрывающуюся на мгновение дверь в его направленную трансформацию. Однако до сегодняшнего дня даже и вопреки многочисленным теориям и находкам конструкционистов мы продолжаем верить в то, что текст, написанный на одном языке, может стать «таким же» текстом на другом, в то, что мы, говорящие на одном языке, остаемся теми же людьми, говорящими на другом. Современная практика предъявляет весьма высокие требования к качеству перевода: наряду с простейшим «машинным» переводом существуют многообразные варианты авторского условно-дословного перевода, при котором переводчик не только стремится воспроизвести переводимый текст как совокупность понятий и конструкций, но и выступает как соавтор текста, дополняющий текст, который будет звучать в новой культуре необходимыми для его понимания «обертонами». Такое дополнение и трансформация всегда рискованны, особенно если переводятся тексты художественные, многоуровневые и многозначные, тексты, наполненные специфическим для народа-носителя языка определенным культурно-историческим содержанием, а также конкретным для автора переводимого текста психологическим «подтекстом», составляющим основную «магию» произведения [5, 15, 16].

Перевод — понимающая деятельность, требующая трансординарного знания как собственного, так и переводимого языка. Трудности перевода особенно хорошо иллюстрируют переводы стихотворений, работа над которыми — не только когнитивная или коммуникативная, но и собственно духовная, включающая ценностный диалог, понимание как бытийный процесс, деятельность специалиста. Н. А. Фатеева пишет, что «перевод поэзии — это особая сфера перевода, которая, с одной стороны, в концентрированном виде отражает большинство особенностей и трудностей перевода как процесса и как ремесла, а с другой — не может подчиняться типологии многих правил, выработанных для перевода нехудожественных и художественных прозаиче-

ческих текстов» [7, с. 57]. М. А. Тарасова полагает «важнейшей чертой языка поэзии ... несводимость значений слов к их словарным дефинициям и мотивированность каждого знака целым текстом» [17, с. 270]. Она упоминает тыняновский принцип «тесноты и единства стихотворной строки» [18, с. 49], который заключается в том, что каждое слово в стихотворении зависит от всех значений, прилегающих к нему слов, и определяется многочисленными характеристиками целого текста. Именно в этом законе состоит коренное отличие поэзии и прозы: «Поэтический текст, спрессованный ритмической, фонической системами, образует как бы особый сверхсмысловой плазменный сгусток, в котором каждый элемент (будь то целая строка, слово, морфема или даже фонема) сопрягается по вертикали и горизонтали с каждым другим элементом и обретает дополнительное и многослойное значение» [19, с. 78]. При этом «поэзия является той сферой языка, в которой общие тенденции его развития проявляют себя быстрее всего и наиболее явно, чем в других сферах» [20], «в любом развитом национальном языке заложен значительный потенциал не только для реализации его системных закономерностей, но и для порождения разного рода отклонений от языковых норм и правил, которые не ведут к деструкции системы, а, напротив, являются выражением ее креативного и адаптивного потенциала» [21, с. 3]. Таким образом, в разных системах языка отражаются и потенциальности и «окказиональности» языковой системы. С обеими переводчик поэзии вынужден работать. М. А. Тарасова отмечает также, что «в переводных поэтических текстах переводчик, с одной стороны, связан ограничениями, налагаемыми оригиналом, а с другой — не может нарушить критерий понятности для адресата, в то время как в оригинальном творчестве поэт ищет новые формы выражения, стремится расширить границы языковой нормы» [17, с. 274].

В качестве примера приведем переводы стихотворений Д. Беляевой, уникального переводчика, увлекающегося переводом песен и стихотворений с русского языка на английский и с английского на русский. Первый из переводов — песня группы Led Zeppelin «Stairway to Heaven».

Для сравнения также приведем авторизованные переводы В. Бойко, И. Якова и других авторов.

Эта песня и ее история тесно связаны со слухами об «особом происхождении»: соавтор песни, Дж. Пейдж, утверждает, что Р. Планта писал песню «под диктовку высших сил», а сам автор текста песни увлекся чтением древних мистических легенд, преданий и сказок. Р. Планта называл одним из источников вдохновения работы Л. Спенса об искусстве магии в дохристианской Британии [6]. Однако многие меломаны считают, что песня была навеяна романами Дж. Р. Р. Толкиена.

Многие обыватели усмотрели и продолжают усматривать в песне «сатанинское послание». Так или иначе песня вызвала бурный общественный резонанс, а также вошла в список 50 наиболее известных и значимых песен рок-музыки XX века. За десятилетия с момента написания песня обросла множеством толкований, что в целом отличает многие шедевры песенно-поэтического творчества. И сейчас ее переводчики отмечают множественность смыслов в самой песне, которая дает возможность ее множественного и весьма разного переосмысления.

Stairway to Heaven

There's a lady who's sure
All that glitters is gold
And she's buying a stairway to heaven.
When she gets there she knows
If the stores are all closed
With a word she can get what she came for.
And she's buying a stairway to heaven.

There's a sign on the wall
But she wants to be sure
cause you know sometimes words have two
meanings.
In a tree by the brook
There's a songbird who sings,
Sometimes all of our thoughts are misgiven.
Ooh, it makes me wonder,
Ooh, it makes me wonder.

There's a feeling I get
When I look to the west,
And my spirit is crying for leaving.
In my thoughts I have seen
Rings of smoke through the trees,
And the voices of those who standing
looking.
Ooh, it makes me wonder,
Ooh, it really makes me wonder.

And it's whispered that soon
If we all call the tune
Then the piper will lead us to reason.
And a new day will dawn
For those who stand long
And the forests will echo with laughter.

If there's a bustle in your hedgerow
Don't be alarmed now,
It's just a spring clean for the may queen.
Yes, there are two paths you can go by
But in the long run
There's still time to change the road you're
on.
And it makes me wonder.

Your head is humming and it won't go
In case you don't know,
The pipers calling you to join him,
Dear lady, can you hear the wind blow,
And did you know
Your stairway lies on the whispering wind.

And as we wind on down the road
Our shadows taller than our soul.
There walks a lady we all know
Who shines white light and wants to show
How everything still turns to gold.
And if you listen very hard
The tune will come to you at last.
When all are one and one is all
To be a rock and not to roll.

And she's buying a stairway to heaven.
Led Zeppelin
P. Плант

Лестница в небо

Ей сознание льстит —
Злато то, что блестит,
И купить можно лестницу в небо.
А взойдя к небесам,
Стоит слово сказать —
И отпустят ей все непременно.
И купить можно лестницу в небо.

Виден знак на стене,
Но доверия нет:
Толковать его можно двояко.
У ручья средь ветвей
Все поет соловей,
Обмануться не трудно, однако.
И тону в догадках,
И тону в догадках.

Мысль лелею одну:
Лишь на запад взгляну,
И мой дух умоляет проститься.
В забытьи распознал
Дым сквозь леса прогал
Голоса тех, кто в роще толпится.
И тону в догадках,
И тону в догадках.

Слух прошел: вскоре мы,
Если будем сильны,
Обретем разум вслед за манящим.
Будет новый рассвет
Тем, кто ждал много лет,
Смех раздастся,
как эхо сквозь чащу.

И если в роще свистопляска —
Не пугайся,
То свита майской королевы.
Есть два пути из тех, что приведут,
но постепенно
Путь изменить всегда успеешь ты.
И тону в догадках.

Гул в голове непроходящий —
То манящий
Надеется увлечь тебя с ним.
Родная, слышишь, ветер плачет —
Это значит,
Что лестницы конец недостижим.

Закончим путь едва дыша.
Как тени не растет душа.
Но вот знакомая спешит
Нам доказать, что раз блестит,
То, зная, из золота отлит.
И долго слушав пустоту,
Услышать можешь песню ту,
Что ты есть все, и все есть ты,
И камнем быть среди воды...

И купить можно лестницу в небо.
Беляева Д.

Небесная лестница

Эта леди твердит:
Злато всё, что блестит,
И она купит лестницу в небо.
Стоит слово сказать —
И свое можно взять
В час, когда не достать даже хлеба.

Знак висит, где стена,
Но не верит она,
Ведь бывает у слов по два смысла.
Возле речки в кустах
Запоет певчий птах,
Но опасны порой наши мысли.
О, как это странно.

Я смотрю на закат,
И на сердце тоска,
И рыдает душа, рвась на волю.
Наяву, как во сне,
Кольца дыма в листве,
Голоса и глаза с давней болью.
О, как это странно.
В самом деле странно.

Кто-то шепчет: вот-вот
Песню мир позовет,
И трубач приведет всех нас
в чувство.
Снова солнце взойдет
Для тех, кто так ждет,
Снова смехом леса отзовутся.

Твой палисад пронизан дрожью,
Но не тревожься,
С весной встречая деву мая.
Перед тобою две дороги,
Но будут сроки,
Чтоб успеть еще сменить
свой путь.
Это очень странно.

Но не спасут шальные мысли,
Не знаешь если:
Трубач зовет тебя в дорогу.
Послушай, леди, ветра песню,
Ведь, как известно,
На ветерке лестница лежит.
И на извилистом пути
В тених нам душу не спасти.
Там леди светлая идет,
Она покажет нам вот-вот
Свой золотой небесный свод,
И если слух не подведет,
Тебя мелодия найдет,
Чтоб мир единство вновь обрел:
Уж лучше рок, чем просто ролл.

А она купит лестницу в небо.
В. Бойко

Лестница в небо

Эта Дама твердит:
«Злато — всё, что блестит»,
И что купит и лестницу в небо;
Если есть дефицит —
Знает, что говорить,
И достанет всё то, что хотела.
О, о, она купит и лестницу в небо.

Хоть и знак стоит «Стой»,
Но ей надо самой
Убедиться, что знак стоит верно.
На ветвях над ручьём
Птица песню поёт
Что есть чувство,
что всё будет скверно.
О, как разобраться,
о, как разобраться...

Каждый раз, если вдруг
Я на запад смотрю,
То душа улететь вдалеку стремится.
Часто я представляла
Шёпот тех, кто стоял
И смотрел, как дым к небу
кружится.
О, как разобраться...
О, здесь надо разобраться...

Они шепчут: «Мотив
Угадай, подхватив,
И Трубач приведёт к откровенью.
И день новый придёт
Для всех тех, кто так ждёт,
И в ответ лес даст волю веселью».

Живая изгородь дрожит, но
Не напрягайся:
Это к весне спешит царь Май.
Перед тобой есть две дороги,
И в пути долгом
Хватит времени сменить свой
путь.
Я хотел бы верить...

Тогда лишь цели ты достигнешь,
Если постигнешь:
Трубач зовёт тебя в путь с собой.
Но надо знать бы, что опорой
Лестницы той
Послужит ветра шёпот и вой.

И вот нас ветер вдалеку несёт.
И тень длиннее, чем душа.
Та Дама шествует вперёд
Вся в белом, учит не спеша,
Как золотым в миг делать всё.

И если напрягать свой слух,
Мотив и ты подхватишь вдруг
Ответ один, как ни крути:
Будь верен своему пути.

Она платит за лестницу в небо...
И. Яков

Небесная лестница

Знала леди одна:
Злато все, что блестит,
Она выстроит звездный путь в небо
Все вопросы сняла.
Под себя мир скроит.
Она знает, что сделает это,
И оплачен уж звездный путь в небо

У черты двух границ
Надо знать, с кем ты, чей?
А сейчас пред тобой середина
Слышно пение птиц
В зелени, где ручей
Ты предчувствуешь, в чем
здесь причина
О-о-о, всё это странно

Я почти пал на дно
Отблеск света поймал
Крик души возмолил о спасении
Башню напрочь снесло
Голос мне прошептал
За тобой мы ведем наблюдение
О-о-о, всё это странно

И шепот этот постоянно наставляя:
Сполна заплатишь ты за все
в конце пути
Для нерешительных восход уже пропал
Смеялось эхо тем, кто в суете
не смог пройти

Без страха завистью себя ты очернил
Хоть телом чистый, но а душу не отмыл
На половинки две ты
жизнь свою разбил
С пути неверного в конце ты соскочил
Назад вернулся и все в жизни изменил
И головой своей дыру в стене пробил,
Но все же расплату от себя не отмолил
О-о-о, всё это странно

На нашу леди с воем ветер вдруг напал
Звездный путь ее
шквал сплетен, раскидал
И восхождение
на самый верх прервал

Я вам сейчас тут сказку
детскую развел
В котором рок — судьба, отнюдь
не рок-н-ролл
О том, как леди захотела поблестать
Не все на свете можно златом измерять
Конец истории ты должен тут понять
Не одинок ты и нам нечего пенять
Из мелких камешков
составлен монолит
Вся эта глыба без движения стоит

...и оплаченный звездный путь в небо
С. Зуйков

Лестница в небо

Эта дама твердит:
«Золото — всё, что блестит»,
Покупая лестницу в небо,
До пределов дойдя,
Там, где светит звезда,
Зная, для чего ей это нужно, —
Покупать себе лестницу в небо.

Этот знак на стене
Кто бы объяснил ей? —
Ведь в словах часто
есть скрытый смысл.
У ручья, среди ветвей?
Птица солнцу поёт.
Иногда наши мысли — лишь страхи.
Интересно...

Что-то чувствую я,
Всё на запад смотря,
Слыша, как дух скорбит над потерей.
Грезится — или нет? —
Дым кольцом в вышине,
Голоса невидимок тревожат.
Интересно...

Слышу, шепчут: «Не жди,
Песню к нам призови, —
И трубач уведёт нас к истокам.
На востоке — заря.
Медлить больше нельзя, —
В путь!» — и смех разнесётся по лесу.

Коль за оградой суматоха —
не бей тревогу:
Там Королеву Мая ждут.
Вот — две тропинки, выбирай:
ещё, возможно,
Есть время изменить свой путь.
И — всё интересней...

Твой ум — кипуч и полон мыслей,
что не иссякнут.
Трубач зовёт всё за собой.
Способна ли ты слушать ветер,
знаешь ли, что
Он лестницу твою несёт?

И наши тени — всё длинней,
И скрылись души среди теней.
Идём за ней мы, зная, кто
Нам светит и покажет то,
Как в золото мир превратит.
Но если вслушаешься ты,
Мелодия к тебе придёт.
Мир станет нами, миром — мы, —
И в этом — нашей жизни смысл.

А она лестницу покупает...

Как мы видим, за исключением первых слов, чем больше переводчики продвигаются по тексту, тем больше отличий возникает в переводе. Наиболее простая стратегия перевода — во многом механистична. Это может быть качественно выполненный перевод, в котором авторы, хотя и пытаются, но не могут передать психологическую атмосферу и ритмику стихотворения. Перед читателем обычно бывает вариант наивного, «дословного» перевода песни. Это обычно означает, что автор, хотя и является носителем русского языка, не до конца реализует его богатства и, кроме того, не знаком с иностранной культурой, языком этой культуры в достаточной для раскрытия смысла мере. Поскольку этот тип перевода наиболее «малопонятен» и часто лишен художественной ценности, но близок машинному переводу, мы его не рассматриваем.

Исследователи отмечают, что «перевод поэзии как особая дискурсивная практика обладает следующими особенностями: отсутствием заимствованных языковых элементов ... и малым числом окказиональных форм с низкой степенью аномальности. В современной переводной поэзии действует сознательный механизм потенцирования, направленный на использование исключительно средств принимающего языка и реализацию новых словоформ, развивающих заложенные в языковой системе возможности». Таким образом, переводная поэзия предстаёт, как специфическая дискурсивная практика, «в которой максимально проявляется феномен потенциальности, обусловленный как языковыми факторами, так и особой моделью адресации на грани обычной коммуникации и поэтической автокоммуникации» [17, с. 278].

Отдельный аспект — перевод поэзии прозой: М. Волошин в переводе поэзии прозой видел самое верное решение задачи и предлагал давать в прозе добросовестный слепок, который «не дает благоуханий цветущего стиха», но который «дает точность» [16, с. 98–104; 22, с. 161]. При этом «поэтические тексты можно разделить на преимущественно эквипольные, т.е. такие, содержание и особенности языкового воплощения которых в целом доступны благодаря переводу представителям других культур, и на неэквипольные или этногетерогенные, т.е. тексты, адекватному переводу которых препятствуют лингвокультурные барьеры. Художественная информация, содержащаяся в текстах первого типа, может быть воссоздана максимально полно, а в текстах второго типа — лишь частично. Соответственно, межкультурная художественная коммуникация путем поэтического перевода в первом случае может считаться относительно полноценной, во втором случае — недостаточной», — пишет Р. Р. Чайковский [13, с. 144]. Н. А. Фатеева по этому поводу отмечает: «Переводческие комментарии также могут стать основой для подстрочного и/или построчного перевода с целью дальнейшего создания стихотворного перевода в том случае, если сам переводчик не берется выполнять эту работу или проявляет интерес к творчеству поэтов, языками которых не владеет. В ходе постпереводческого анализа комментарии могут также дополняться вариантами переводческих решений пласта» [7, с. 62].

Другие, эквиритмические переводы, многие из приведенных представляют этот тип перевода, отражают иную стратегию перевода: переводчик переводит то, что может, включая культурный контекст. Он переводит текст, передавая его внешнюю психологическую атмосферу, но не ее собственное,

авторское прочтение. Однако во многих случаях такой перевод при всем его качестве остается отстраненным. Очевидно, весьма значительно привнесение в текст авторского опыта и переживаний, попытка реконструировать его внутренние смыслы, однако недостаточно явно прослеживаются культурно-исторические контексты и смыслы, заложенные в тексте. История, описанная в тексте, остается упрощенной — или — как ее переводят усмотревшие в ней «дьявольские» контексты — сводится к какой-то доступной переводчику в силу его жизненного опыта интерпретации [23, 24]. Обычно наблюдается обеднение смыслов первоисточника: стремление сделать понятным текст, который, по сути, не вполне понятен и на оригинальном языке, не понятен до конца носителям языка. Полагая форму «единственным средством выразить дух» [25, с. 28], Н. С. Гумилёв включает в число требований к переводчику необходимость сохранения метра и размера оригинала, считая, что они имеют свои смыслы: так, твердость ямба способна передавать «напряженность человеческой воли», окрыленность хорея — взволнованность, растроганность и смешливость, а порывистость анапеста — силу человеческой страсти [26, с. 31–32]. И. Бродский также стремился к передаче темпоритма, метрики своих стихов при переводе: метр и размер для него выступали как «средство изменения структуры времени» [25, с. 252]. Н. В. Шутепова пишет, что «они не воспроизводятся механистически, а носят индивидуальный характер, являясь результатом философских и эстетических поисков и возникая в результате диалога поэта со временем как отношение его индивидуального времени и времени общего» [27, с. 232]. «Являясь звуковым совпадением при смысловом со- и противопоставлении [11, с. 100], рифма требует направленности рефлексии переводчика на освоение ее функции в формировании системы соотношенностей. За счет совпадения комплекса звуков рифма со- и противопоставляет соотносимые понятия, актуализируя их сходство и различие, порождая неожиданные смысловые эффекты. Соответственно, освоение поэтичности оригинала требует понимания диалектики рифмы. [273, с. 232–233]. Она отмечает преобладание разных типов рифмы в этнонациональных системах стихосложения, соотношенных с разной смысловой нагрузкой рифм в поэзии разных стран, регионов и т.д. При этом «от переводчика требуется понимание интегрирующей функции внутренних связей», рождающих «тесноту» и «единство» [27; 28, с. 82] стихового ряда, его относительную смысловую и синтаксическую самостоятельность и завершенность. Межстиховые связи являются реляционными, что обуславливает необходимость понимания музыкально-смыслового соотношения стихов в строфе. Изменение соотношения этих связей при переводе ведет и к изменению характера стиха [27, с. 233–234].

Третья стратегия перевода представлена работой Д. Беляевой, осуществляет не просто адаптированный перевод: автор перевода старается максимально сохранить атмосферу, в том числе ритмику оригинального текста, и прочувствовать его психологическую ткань, его интерпретация соединяет достоинства авторского текста и оригинального текста. Результат такого прочтения — текст, который выступает и как перевод, и как оригинал. В нем видны переживания автора и героя, а также переводчика, дан, хотя и так же не нарочито, а скрытно,

как намек, культурно-исторический контекст. И результат стихотворения и всей истории — уже иной. Интересно, что именно результат, то есть окончание стихотворения, наиболее различает разные его стратегии. И в этом смысле интересно было бы начать переводить стихотворение с конца. В целом такой перевод — не только пример качества перевода как прочтения переживаний и представлений автора текста переводчиком, это пример «звучания» человеческого опыта на новом, ином, языке, которым автор владеет, как и английским, в полной мере.

При этом сравнение английского и русского вариантов говорит о том, что «перевод» намного богаче, чем оригинал: мы воочию видим, как происходит обогащение текста в русском языке, как русская культура обогащает себя опытом иных культур и обогащает эти культуры — собой. Н. А. Фатеева указывает также важность постпереводческого комментария: «В переводе уделяется большее внимание, как правило, уделяется предпереводческому анализу, а постпереводческий анализ рассматривается большинством исследователей как средство оценки качества перевода на предмет выявления переводческих ошибок ... в переводе поэзии постпереводческий анализ является инструментом окончательно оформления перевода от одного стихотворения до целого цикла стихотворных произведений. Она выделяет четыре стадии постпереводческого осмысления поэзии: первая стадия — самостоятельное или в диалоге с носителем языка (целевым реципиентом) осмысление собственного перевода спустя некоторое время, которое дает возможность увидеть ошибки и неточности и/или подойти к новым, более интересным решениям; вторая стадия — сопоставление с уже существующими переводами, позволяющее сформировать более удачную стили-

стически и структурно версию стихотворения; третья стадия включает попытку перевода иных стихов этого же поэта, обнаружение межтекстовых, интертекстовых связей — отсылов и особенностей, идиосинкразий творческого стиля поэта, появляется возможность понять ситуацию, отраженную в стихотворении, через призму нового перевода или как ее продолжение и развитие; на последней стадии продуктивно и эффективно сопоставление работ поэта со стихами иных поэтов и прозаиков той же эпохи, которые (не)разделяют его понимание себя и мира, при этом и творчество, и стихи, и переводы этих стихов выступают как компонент значительно большего, чем человеческая жизнь, собственно историко-культурного пласта [7, с. 58–59].

Приведем примеры переводов Д. Беляевой с русского на английский, отметив наиболее интересные моменты работы автора над текстом. Возьмем не менее знаменитый в нашей стране текст песни «Рай/Город» группы «Аквариум», автор А. Волохонский. В стихотворении использован библейский сюжет из Книги пророка Иезекииля (Иез. 1:10) Ветхого Завета, некоторые видят в тексте описание рая — Небесного Иерусалима из Откровения И. Богослова (Апокалипсиса) (Отк. 21:1–3, 21:11–22:2), а также четырёх животных из Апокалипсиса — тетраморфа (Отк. 4:6–9), а также панно Б. Аксельрода «Небо на земле».

Б. Гребенщиков, исполняя эту песню, исправил «Над небом голубым» в «Под небом голубым», имея в виду «рай на земле». А Е. Камбурова изменила стихотворение гораздо более значительно. В конце XX века американский поэт и переводчик Р. Певеар перевёл песню «Рай» на английский язык («Paradise»). Ещё один перевод — М. Морозова, не до конца совпадает с авторским текстом А. Волохонского.

Рай	Город	Paradise
Над небом голубым Есть город золотой С прозрачными воротами И яркою стеной А в городе том сад Все травы да цветы Гуляют там животные Невиданной красоты	Над твердью голубой Есть город золотой С высокими воротами С прозрачною стеной В том городе — сады И травы, И цветы В садах гуляют звери Нездешней красоты	Above the heaven blue There is a city gold With high transparent gates that lead Into a radiant wall. A garden lies inside — All flowers and all weeds. There walk some wondrous animals Whose grace noone exceeds:
Одно как рыжий огнегривый лев Другое — вол, исполненный очей Третье — золотой орел небесный Чей так светел взор незабываемый...	Тебя там встретит огнегривый лев И белый вол, исполненный очей С ними — золотой орел небесный Чей так светел взор незабываемый	A lion with a red and fiery mane, And next — a calf that's full of eyes within. There's also a golden eagle flying Whose bright gaze is truly unforgettable.
А в небе голубом Горит одна звезда Она твоя, о Ангел мой Она всегда твоя Кто любит — тот любим Кто светел — тот и свят Пускай ведет звезда твоя Дорогой в дивный сад Тебя там встретят огнегривый лев И синий вол, исполненный очей С ними золотой орел небесный Чей так светел взор незабываемый... А. Волохонский	А в тверди голубой Горит одна звезда Она твоя, о Ангел мой, Она всегда твоя Кто любит, тот любим Кто светел, тот и свят Пускай тебя звезда ведёт Дорогой в дивный сад Тебя там встретит огнегривый лев, И белый вол исполненный очей, С ними — золотой орел небесный Чей так светел взор незабываемый Е. Камбурова	And in the heaven blue A star glows in its bliss. That star is yours, oh Angel mine, Forever yours it is. Whoever loves is loved. Whoever shines is blessed. So let that star from regions far To the garden guide your quest. And there you'll meet a fiery-haired lion And then a calf that's full of eyes within. There's also a golden eagle flying Whose bright gaze is truly unforgettable. R. Pevear

The Golden Town

Above the azure skies
A golden town resides.
It can be seen through lattice gates
Beneath the bright star light.

And gardens grace the town
With foliage and blooms
Where many wondrous creatures leave
You utterly bemused.

There is a lion with a flaming mane
Paired with an ox with keen, incisive orbs
And with them abides a golden eagle
Whose delightful gaze is unforgettable.

The lone star in blue skies
Shines brightly in its place.
It is forever yours, my love,
With you it will remain.

Who loves will be beloved.
The light at heart are blessed.
And may the star bestow on you
The gardens' winsomeness.

You'll meet a lion with the flaming mane
Matched by an ox with keen, incisive orbs
And with them abides a golden eagle
Whose delightful gaze is unforgettable.

Д. Беляева

При переводе Д. Беляева отмечает, что незнание того, что речь идет не о четырех существах, а об одном — о тетраморфе, придает тексту в переводе следующую форму:

There is one lion with a flaming mane
Passed by an ox with still auspicious looks
And above there soars a golden eagle
Whose delightful gaze is unforgettable.

Однако, если речь идет о едином существе, то перевод приобретает другой вид:

There is a lion with a flaming mane
Matched by an ox with keen, incisive orbs
And with them abides a golden eagle
Whose delightful gaze is unforgettable.

Важно также, что этот перевод гармонично сочетается с мотивом (музыкой) песни, включая интересную деталь: слова «орёл небесный» и *unforgettable* разлагаются на пять слогов. «Eagle» раскладывается на два слога (e'gəl), где «gle» образует так называемую «шва» или нейтральную гласную из согласных. Как правило, это происходит в комбинации с «l» (liquid sonorant). Таким образом, возникает необходимое число слогов. Также автор перевода отмечает, что она использовала менее очевидный, но точный смысл слова «апокалипс» (как «несокрытие») — «откровение» (открытие): так как это звучит в Книге Откровения Иакова, где апокалипсис — момент истины (moment of truth). Таким образом, переводчик не может обойти скрытые в стихотворении смыслы, но, напротив, подчас даже полемизирует с автором, раскрывая или обнажая те смыслы, которых в стихотворении ранее не обнаруживалось: единственно различие с тенденциозной интерпретацией в том, что переводчик исходит не из своего опыта, а из опыта той культуры и традиции, с которой связано произведение.

The City

Beneath the sky of blue
The golden city stands
With crystal-clear lucent gates
And with a star ablaze
The garden lies within
It blossoms far and wide
The beasts of stunning beauty
Are roaming inside
The lion with a fiery-yellow mane
And the blue calf with eyes so deep and bright
And the golden eagle from the heavens
Whose eternal gaze's so unforgettable
And from that sky of blue
The star is shining through
This star is yours, oh angel mine
It always shined for you
Who loveth is beloved
Who giveth light is blessed
So chase the light of guiding star
Into this sacred land
The fiery lion will meet you at the gate
And the blue calf with eyes so deep and bright
And the golden eagle from the heavens
Whose eternal gaze's so unforgettable
M. Морозов

Д. Беляева, как переводчик, также полагает, что перевод поэзии всегда является компромиссом. Перевод, фиксирующий все тонкие аспекты стихотворения и художественного произведения, вообще невозможен. Особенно если речь идет о мифах и эзотерических текстах, в них комментарии подчас равны самому тексту, иначе как минимум половина такого произведения непонятна. Поэтому есть смысл сразу трех переводов: литературного, «свободного» поэтического и разноуровневого поэтического, за которым следует подробный комментарий.

При этом иногда в переводе поэзии возникает вопрос с порядком слов: бывает, что порядок инвертирован — объект предшествует группе субъект-предикат. Это возможно в некоторых ситуациях: в поэзии разрешено иметь обратный порядок слов, если это нужно. Если посмотреть стихи, написанные знаменитыми английскими поэтами, то они использовали такой порядок. Поэтому переводу не всегда нужно учиться только по учебникам и нормативам, но часто — и у мастеров языка, владевших им в совершенстве. Это, естественно, необходимо сочетать с сохранением традиционных норм и предельно: чтобы перевод не стал безвкусным или не демонстрировал незнание грамматики автором.

Очень важным оказывается в переводе уловить отношенческую интенцию автора, не трансформировать, а раскрыть ее. Именно с нею связаны удачи и неудачи переводов художественных текстов, поэзии. Помимо интенции преобразовательной, определяющей «внешнюю» цель текста как средства воздействия на читателя, важен именно этот «внутренний» смысл-свет, который идет из текста, который и должен быть «переведен», то есть — сохранен при переводе. Тогда, при всей скупости

и «близости к тексту оригинала», при всей условно-дословной манере перевода, переводчик «укладывается» в тему, ярко и мощно передавая настроение стихотворения, создавая поэтически-музыкальный образ, эстетическая гармония говорит нам о том, что перевод выполнен на редкость качественно.

Еще лучше звучит перевод тогда, когда в переводе лидирующими оказываются диалогическая (понимающая) и отношенческая интенции: утверждая бытие другого — персонажа, переводчик не забывает утверждать и бытие другого — читателя, переводчика, автора, собеседников. Он — исповедуется, входит в диалог, строит взаимоотношения, становится соавтором, а не только со-читателем. При этом вдохновение и интерес, с которым авторы подходят к переводу, дает возможность создать гармоничные образы и тексты, дополняющие и раскрывающие богатство оригинала. Здесь мы вновь встречаем стратегию «авторского перевода», которая фокусируется на преобразовательном, воздействующем контексте оригинала.

Таким образом, перевод есть освобождение текста из «плена» потенциальности «смыслового универсума», он всегда высвобождает новые смыслы, так же как и прячет — старые. Он предполагает осмысление наиболее доступных переводчику смыслов текста, а также — их повторное сокрытие, насыщение текста подтекстами и интертекстами, позволяющими читателю отличной и исходной культуры понимать текст во всей его полноте: переводчик лишь «повязывает желтую ленточку» там, где он обнаружил «зерно истины» или сокрытую от наивных глаз «машинного перевода» тайну, усмотрел обращение к смысловому пласту, далекому от непосредственно описываемой ситуации. Современная «интертекстология» и «нарративология» обращают особое внимание на те аспекты смысла, которые прячутся «между строк», «на полях», в «между-текстах» и в «историях» текстов: грамотный переводчик учитывает именно эти, неявные смыслы как опорные. Опираясь на них, он реконструирует внешний каркас текста, оставляя в нем знаки, маркирующие глубинные смыслы, послужившие первоосновой текста, по-прежнему ждущие своего «освобождения» в процессе прочтения перевода заинтересованным читателем — третьим «соавтором» текста. Смыслы как пленники — ждут своего освобождения и принятия: полного или частичного, но обязательно — любовного, ждущего их. Умение переводить и умение читать предполагает, таким образом, внимательнейшее отношение к смыслу, стремление «распаковывать» смысловый континуум текста и считать варианты «распаковки», предлагаемые автором и переводчиком.

Поэтический перевод — это один из самых сложных видов деятельности. Проблем перевода поэзии несколько: поэзия часто имеет несколько уровней смысла, и часто за очевидным верхним слоем, который с первого взгляда может показаться прозаическим или бесхитростным, в процессе дискуссии открывается все более богатыми скрытыми «нижними» слоями, нередко даже не имеющими единой общей смысловой интерпретации. Кроме того, стихотворения имеют особый темпоритм, особую «музыкальность» слов, которую нередко чрезвычайно трудно воспроизвести на целевом языке без более или менее значительного искажения смысла. Кроме того, стихи, как правило, очень тщательно структурированы, с конкретными частями информации и фразами, которые также не просто дословно

и точно воспроизвести. Многие переводчики считают, что перевести стихи — почти невозможно.

Передача основного смысла и структуры стихотворения требует, чтобы переводчик сам был поэтом, и не просто поэтом, но поэтом, который по-настоящему может понять то, что находится внутри стихотворения, как произведения искусства, и воссоздать его в форме и содержании, не обедняющем оригинал.

Неудивительно, что незначительная часть переводчиков, считавших себя успешными в поэтических переводах, сама состояла из поэтов.

Однако иногда у переводчика «нет выбора»: он вынужден работать над стихотворением, оказывая услугу кому-либо или удовлетворяя требования важного для него клиента. Поэтому, начиная перевод, нужно начать с исследований: существует ли какое-либо научное исследование по поводу переводимого стихотворения; что говорят о его переводе эксперты; есть ли возможность проконсультироваться у автора стихотворения или того, кто, по крайней мере, изучил его работу.

Желательно возможно больше узнать об авторе и, если поэт уже недоступен, найти его биографию, чтобы узнать о его или ее жизни и ее понимании. Знакомство с поэтом может помочь переводчику понять нюансы стихотворения.

Бывает полезно найти авторов и стихотворения в собственной культуре, которые имеют похожий стиль письма и похожую историю жизни. К сожалению, невозможно передать всю оригинальность стихотворения в его переводе, и переводчики, у которых есть возможность прочитать и осмыслить стихотворение на обоих языках, — это понимают особенно хорошо.

Вместе с тем перевод добавляет «новые языковые миры» — к тому миру, к которому мы привыкли и считаем единственным, избавляет нас от клише, пробуждает к жизни, перетряхивая нашу старую жизнь, представления и переживания, как и хорошее путешествие в неизвестную страну. Полезно прочитать стихотворение несколько раз, исследуя конкретные фразы и стремясь по-настоящему понять его смыслы. Затем полезно выписать всю интерпретацию стихотворения — не буквальное значение, а то, что переводчик понимает под строками поэтического произведения. После этого можно осуществить буквальный перевод строка в строку и постараться сохранить структуру и формы стихов. После этого модно объединить две версии: смысловую и структурную, создав, по сути, нечто новое.

Перевод не должен затруднять понимание поэмы/стиха: не нужно дополнительное «шифрование» значений, которые были ясны в оригинале. Переводчик поэзии должен стать «голосом» поэта и, таким образом, уметь создавать стихотворение, которое звучит так, как если бы оно было написано этим поэтом (а не переводчиком или иным поэтом) непосредственно на целевом языке (языке перевода).

Наиболее важным принципом в переводе является «отсутствие прибыли и потерь» любого рода: привнесений и «цензуры» со стороны переводчика [4; 29]. Перевод должен быть таким же произведением, как и оригинальное стихотворение, — это перевод переживаний и представлений поэта. Перевод — это не «реплика оригинала», не репликация. Перевод создается в диалоге автора и переводчика, он — «ребенок» их обоих.

1. Арпентьева М. Р. Ксенология в исследованиях мультикультурного диалога // Слово, высказывание, текст: сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф., 25 сентября 2015 г. / отв. ред. Т. В. Плесканиук. Н. Новгород: ИП Краснова Н. А., 2015. С. 25–31.
2. Арпентьева М. Р. Метаязыковые стратегии понимания: ксенологический подход // Многомерные миры языка: избр. тр. I Междунар. науч.-практ. конф., 28 октября 2015 г. / РУДН. М., 2015. С. 20–28. ISBN 978-5-209-06857-0.
3. Гончаренко С. Ф. К вопросу о поэтическом переводе // Тетради переводчика / под ред. Л. С. Бархударова. М., 1972. Вып. 9. С. 81–91.
4. Дейк Т. А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 368 с.
5. Raffle V. The Art of Translating Poetry. University Park, PA: Penn State University Press, 1990. 220 p. ISBN 978-0271028699, 0271028696.
6. Spence L. Magic arts in Celtic Britain. London: Dover Publications, 2012. 208 p. ISBN 9780486404479, 0486404471.
7. Фатеева Н. А. Постпереводческий анализ и послетекстовый комментарий в переводе поэзии // Иностранные языки в высшей школе. 2016. № 2 (37). С. 57–63.
8. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
9. Ванденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» / пер. О. Кубановой // Логос. 1994. № 6. С. 77–94.
10. Matiu O. Translating poetry. Contemporary theories and hypotheses // Professional communication and translation studies. 2008. P. 127–134.
11. Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа: сб. ст. // Сер. Язык. Семиотика. Культура. М.: Гнозис, 1994. 556 с. ISBN 5-7333-0486-3.
12. Трукова А. И., Родионов В. Г. Из истории переводов поэзии Киплинга: стилистико-компаративный аспект // Вестник Чувашского университета. 2013. № 2. С. 221–227.
13. Чайковский Р. Р. Реальности поэтического перевода. Магадан: ООО Кордис, 1997. 197 с.
14. Jones F. R. The Translation of Poetry // The Oxford Handbook of Translation Studies / Ed. K. Malmkjær, K. Windle. Oxford: Oxford, 2011. P. 134–149. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199239306.013.0013.
15. Skrypnyk T. M. The studying English-language poetry in the translation and native language // Приднестровский научный вестник. 2015. Т. 10. С. 174–179.
16. Lefevre A. Translating poetry: seven strategies and a blueprint. Assen: Van Gorcum, 1975. 127 p.
17. Тарасова М. А. Перевод поэзии как особая дискурсивная практика (на материале русских переводов современной англоязычной поэзии) // Критика и семиотика. 2015. № 2. С. 269–281.
18. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка // Литературный факт. М.: Высшая школа, 1993. С. 23–121.
19. Гончаренко С. Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность // Тетради переводчика / под ред. Л. С. Бархударова. М., 1999. Вып. 24. С. 107–122.
20. Фатеева Н. А. Предисловие ко второму изданию книги Г. О. Винокура «Маяковский — новатор языка». М.: URSS, 2006. С. 5–9.
21. Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие: моногр. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2012. 321 с. ISBN 978-5-9765-1387-7.
22. Волошин М. А. Поль Верлен. Стихи, выбранные и переведенные Ф. Сологубом // Созвучья: Стихи зарубеж. поэтов в пер. Иннокентия Анненского, Федора Сологуба / предисл. А. В. Федорова. М.: Прогресс, 1979. С. 159–163.
23. Арпентьева М. Р. Перевод как попытка понимания чужого // Перевод как средство взаимодействия культур: материалы междунар. науч.-практ. конф., 17–22 октября 2014 г., Краков. Polska, Kraków: Краковский педагогический университет им. Комиссии Народного Образования; Россия. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. 2014. С. 101–111.
24. Солер К. Клинические уроки перехода / пер. М. Титовой // Логос. 1994. № 5. С. 176–189.
25. Бродский И. А. Письмо Горацию. М.: Наш дом — L'Age d'Homme, 1998. 340 с. ISBN 5-89136-018-7.
26. Гумилев Н. С. Сочинения. В 3 т. Т. 3: Письма о русской поэзии. М.: Художественная литература, 1991. С. 28–33.
27. Шутёмова Н. В. Проблема «язык и стих» в поэтическом переводе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 9 (642). С. 227–235.
28. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. 3-е изд. М.: УРСС, 2004. 176 с. ISBN 5-354-00624-4.
29. О разработках проблемы Чужого в современной философской мысли // От Я к Другому / Под ред. А. А. Михайлова. Мн.: Наука, 1997. 340 с.

АРПЕНТЬЕВА Мариям Равильевна, доктор психологических наук, доцент (Россия), член-корреспондент Российской академии естествознания (РАЕ), профессор кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского, г. Калуга; ведущий научный сотрудник кафедры теории и методики физического воспитания Югорского государственного университета, г. Ханты-Мансийск (Россия).
Адрес для переписки: mariam_rav@mail.ru

Для цитирования

Арпентьева М. Р. Проблемы поэтического перевода и обучение иностранному языку // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 2. С. 58–68. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-2-58-68.

Статья поступила в редакцию 13.02.2018 г.
© М. Р. Арпентьева

PROBLEMS OF POETIC TRANSLATION

This work is devoted to the problems of translation as a process and result of understanding, dialogue with the text and its author in the translation process. Translation is an understanding activity requiring trans-ordinate knowledge of both own and translated language. Difficulties in translation are well illustrated by translations of poems. The teaching of a foreign language in the context of the translation of poetic works is one of the most productive technologies for developing an understanding of language as an integral, sociocultural phenomenon. Poetry accounts for a tiny proportion of world translation output. Case studies and examples taken from poetry, however, have dominated theory-building in translation studies at the expense of more frequently translated genres. Poetry translation may be defined as relaying poetry into another language. Apart from transforming text, poetry translation also involves cognition, discourse, and action by and between human and textual actors in a physical and social setting. Poetry translation is typically overt. Poetry translators are concerned to interpret a source poem's layers of meaning, to relay this interpretation reliably, and/or to 'create a poem in the target language which is readable and enjoyable as an independent, literary text. Poetry translation involves challenges and these are highlighted in this article.

Keywords: translation, understanding, dialogue, language, poem.

References

1. Arpentieva M. R. Ksenologiya v issledovaniyakh mul'tikul'turnogo dialoga [Xenology in the studies of multicultural dialogue] // Slovo, vyskazyvaniye, tekst. *Word, utterance, text* / Ed. T. V. Pleskanyuk. N. Novgorod: Krasnova N. A. Publ., 2015. P. 25–31. (In Russ.).
2. Arpentieva M. R. Metazykovyye strategii ponimaniya: ksenologicheskii podkhod [Meta-language strategies of understanding: xenological approach]. *Mnogomernyye miry yazyka. Multidimensional worlds of language*. Moscow, 2015. P. 20–28. ISBN 978-5-209-06857-0. (In Russ.).
3. Goncharenko S. F. K voprosu o poeticheskom perevode [On the issue of the poetic translation] // *Tetrad perevodchika. Tetrad perevodchika* / Ed. L. S. Barkhudarov. Moscow, 1972. Issue 9. P. 81–91. (In Russ.).
4. Dijk T. A. van. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow: Progress Publ., 1989. 368 p. (In Engl.).
5. Raffel B. *The Art of Translating Poetry*. University Park, PA: Penn State University Press, 1990. 220 p. ISBN 978-0271028699, 0271028696. (In Engl.).
6. Spence L. *Magic Arts in Celtic Britain*. London: Dover Publications, 2012. 208 p. ISBN 9780486404479, 0486404471. (In Engl.).
7. Fateeva N. A. Postperevodcheskiy analiz i posletekstovyy komentariy v perevode poezii [Post-translational analysis and post-textual commentary in the translation of poetry] // *Inostrannyye yazyki v vysshey shkole. Foreign languages in higher education*. 2016. No. 2 (37). P. 57–63. (In Russ.).
8. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskustvo Publ., 1979. 424 p. (In Russ.).
9. Vandenfels B. *Svoya kul'tura i chuzhaya kul'tura. Paradoks nauki o «Chuzhom»* [Own culture and foreign culture. The paradox of science about «Alien»] // *Logos. Logos*. 1994. No. 6. P. 77–94. (In Germ.).
10. Matiu O. Translating poetry. Contemporary theories and hypotheses // *Professional communication and translation studies: Conference Proceedings*. 2008. P. 127–134. (In Russ.).
11. Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola [Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotics school] // *Seriya Yazyk. Semiotika. Kul'tura: sbornik statey. Series Language. Semiotics. Culture*. Moscow: Gnosis Publ., 1994. 556 p. ISBN 5-7333-0486-3. (In Russ.).
12. Trukova A. I., Rodionov V. G. Iz istorii perevodov poezii Kiplinga: stilistiko-komparativnyy aspekt [From the history of translations of Kipling's poetry: the stylistic-comparative aspect] // *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Bulletin of the Chuvash University*. 2013. No. 2. P. 221–227. (In Russ.).
13. Tchaikovsky R. R. *Real'nosti poeticheskogo perevoda* [Reality of poetic translation]. Magadan: LLC Cordis Publ., 1997. 197 p. (In Russ.).
14. Jones F. R. *The Translation of Poetry* // *The Oxford Handbook of Translation Studies* / Ed. K. Malmkjær, K. Windle. Oxford: Oxford, 2011. P. 134–149. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199239306.013.0013. (In Engl.).
15. Skrypnyk T. M. The studying English-language poetry in the translation and native language [The studying English-language poetry in the translation and native language] // *Pridneprovskiy nauchnyy vestnik. Pridneprovskiy scientific herald*. 2015. Vol. 10. P. 174–179. (In Engl.).
16. Lefevre A. *Translating poetry: seven strategies and a blueprint*. Assen: Van Gorcum, 1975. 127 p. (In Engl.).
17. Tarasova M. A. *Perevod poezii kak osobaya diskursivnaya praktika (na materiale russkikh perevodov sovremennoy angloyazychnoy poezii)* [Translation of poetry as a special discourse practice (based on Russian translations of modern English-speaking poetry)] // *Kritika i semiotika. Criticism and Semiotics*. 2015. No. 2. P. 269–281. (In Russ.).
18. Tynyanov Yu. N. *Problema stikhotvornogo yazyka* [The problem of the poetic language] // *Literaturnyy fakt. Literary fact*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1993. P. 23–121. (In Russ.).

19. Goncharenko S. F. Poeticheskiy perevod i perevod poezii: konstanty i variativnost' [Poetic translation and translation of poetry: constants and variability] // Tetradi perevodchika. *Tetradi perevodchika* // Ed. L. S. Barkhudarov. Moscow, 1999. Issue 24. P. 107–122. (In Russ.).
20. Fateeva N. A. Predisloviye ko vtoromu izdaniyu knigi G. O. Vinokura «Mayakovskiy – novator yazyka» [Preface to the second edition of the book of G. O. Vinokur «Mayakovsky is the innovator of the language»]. Moscow: URSS Publ., 2006. P. 5–9. (In Russ.).
21. Radbil' T. B. Yazykovyye anomalii v khudozhestvennom tekste: Andrey Platonov i drugiye [Language anomalies in the literary text: Andrei Platonov and others]. Moscow: Flint Publ., 2012. 321 p. ISBN 978-5-9765-1387-7. (In Russ.).
22. Voloshin M. A. Pol' Verlen. Stikhi, vybrannyye i perevedennyye F. Sologubom [Paul Verlaine. Poems selected and translated by F. Sologub] // Sozvuchiya: Stikhi zarubezh. poetov v per. Innokentiya Annenskogo, Fedora Sologuba. *Consonance: Poems from abroad poets in the lane Innokentiy Annensky, Feodor Sologub*. Moscow: Progress Publ., 1979. P. 159–163. (In Russ.).
23. Arpentieva M. R. Perevod kak popytka ponimaniya chuzhdogo [Translation as an attempt to understand understand an alien] // *Perevod kak sredstvo vzaimodeystviya kul'tur. Translation as a means of interaction of cultures*. Polska, Krakow: Krakow Pedagogical University; Russia. Moscow: M. V. Lomonosov State University, 2014. P. 101–111. (In Russ.).
24. Soler K. Klinicheskiye uroki perekhoda [Clinical lessons of the transition] / Ed. M. Titova // *Logos. Logos*. 1994. No. 5. P. 176–189. (In Russ.).
25. Brodsky I. A. Pis'mo Goratsiyu [Letter to Horace]. Moscow: L'Age d'Homme, 1998. 340 p. ISBN 5-89136-018-7. (In Russ.).
26. Gumilev N. S. Sochineniya. V 3 t. T. 3: Pis'ma o russkoy poezii [Works. In 3 vol. Vol. 3: Letters on Russian poetry]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1991. P. 28–33. (In Russ.).
27. Shutemova N. V. Problema «yazyk i stikh» v poeticheskom perevode [The problem of «language and verse» in a poetic translation] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Series: The Humanities*. 2012. No. 9 (642). P. 227–235. (In Russ.).
28. Tynyanov Yu. N. Problema stikhotvornogo yazyka [The problem of the poetic language]. Moscow: URSS Publ., 2004. 176 p. ISBN 5-354-00624-4. (In Russ.).
29. O razrabotkakh problemy Chuzhogo v sovremennoy filosofskoy mysli [On the development of the problem of the Alien in modern philosophical thought] // *Ot Ya k Drugomu. From Me to the Other* / Ed. A. A. Mikhailov. Minsk: Navuka Publ., 1997. 340 p. (In Russ.).

ARPENTIEVA Mariam Ravilievna, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of Development and Education Psychology Department, K. E. Tsiolkovskiy Kaluga state University, Kaluga; Leading Researcher of Theory and Methods of Physical Education Department, Ugra State University, Khanty-Mansiysk.
Address for correspondence: mariam_rav@mail.ru

For citations

Arpentieva M. R. Problems of poetic translation // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2018. No. 2. P. 58–68. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-2-58-68.

Received 13 February 2018.
© M. R. Arpentieva